

Г.А. ЯСТРЕБОВ

Инвестиции в человеческий капитал (Эффект культурной преемственности vs эффект дохода)*

Данная статья – прямое продолжение совместной с О. Шкаратаном публикации, вышедшей в предыдущем номере журнала [Шкаратан, Ястребов, 2010] и посвященной анализу внутрисемейной культурной преемственности как одного из значимых факторов воспроизводства человеческого капитала в современной России. В ней был дан развернутый обзор проведенных в нашей стране и за рубежом исследований, полученных теоретических и прикладных результатов, показаны сложности, перед которыми оказывается российская семья, пытающаяся реализовать гарантированный Конституцией РФ принцип равенства шансов.

Анализ убедил нас в том, что ситуация с возможностями карьерной и межпоколенной мобильности у нас в отечестве неизмеримо сложнее, чем во многих не самых развитых и богатых странах. Кроме того, в работе были приведены подробные данные о характере преемственности в российских семьях в зависимости от социального статуса родителей, уровня их человеческого и культурного капиталов, типа поселения и т.д. В то же время в этой публикации не была рассмотрена одна очень важная проблема. Она заключается в том, что помимо образованности предшествующих поколений, социальных и культурных ресурсов семьи, которые зачастую являлись прямым отражением ее принадлежности к определенному социальному слою/группе (а мы рассматривали социально-профессиональные группы), значимый эффект на характер распределения шансов следующих поколений, и в частности воспроизводство человеческого капитала, в рыночной экономике оказывает такой фактор, как материальное положение родительской семьи. В данной статье я предпринял попытку рассмотреть одновременное влияние на культурно-образовательные стратегии семьи двух обозначенных факторов с тем, чтобы, с одной стороны, объяснить характер распределения шансов детей на получение качественного образования в зависимости от ресурсов семьи, а также понять, как в российских семьях осуществляется культурное воспроизводство.

Здесь, однако, сразу же стоит внести определенную ясность в интерпретационные возможности той модели, о которой речь пойдет ниже. Шкаратан и я начали с того, что в нашей стране сложилась крайне неприятная ситуация, связанная с фактическим разделением образования на “массовое”, доступное практически каждому даже в условиях коммерциализации соответствующих услуг, и “элитарное”, доступность которого в

* Исследование выполнено под научным руководством ординарного профессора ГУ-ВШЭ О. Шкаратана при поддержке Научного фонда ГУ-ВШЭ (грант № 08-01-0075 “Культурная преемственность в семье как фактор накопления и эффективности реализации образовательных капиталов: к вопросу о динамизации развития человеческого потенциала в современной России”).

значительной степени ограничена его дороговизной и процедурами отбора. Однако на уровне конкретных данных у нас не было возможности разделить учебные заведения по степени их “элитарности” ни по критерию престижа, ни по критерию реальных затрат в семье на соответствующие услуги образования¹. К сожалению, не лучше обстоят дела с информационными возможностями других выборочных обследований (например, RLMS, НОБУС), хотя вполне очевидно, что без учитывающих эти подробности данных сегодня практически невозможно адекватно оценить образовательную дифференциацию населения в современной России.

Мы также обращаем внимание на тот факт, что наша выборка не репрезентирует элитные и предэлитные группы, которые, впрочем, также недоступны для изучения в рамках любых массовых обследований. Тем не менее, используя материалы общероссийского представительного опроса, мы можем исследовать в известной степени общие для всей страны закономерности, связывающие характер поведения семьи в культурной и образовательной сфере с ее ресурсной обеспеченностью. Так, в частности, мы можем показать, какую роль играет материальное положение семей при использовании ими различных образовательных стратегий в зависимости от характера межпоколенной преемственности, под которым на эмпирическом уровне нами понимается проявление одних и тех же социальных характеристик у нескольких поколений. Однако за рамками наших возможностей остается при этом выяснение реального содержания транслируемых социальных и культурных ресурсов от одного поколения к другому.

Мы апеллируем к тому, что любая модель, в особенности, если речь идет о модели социального процесса, – в известной степени абстракция реального; ее цель состоит в упрощенном представлении связей, наиболее значимых с точки зрения решения конкретной исследовательской проблемы. Так, можно спорить, в какой мере правомерно рассматривать в качестве главного признака социального и культурного статуса семьи уровень образования одного из родителей, однако систематическое проявление этого признака на протяжении нескольких поколений, на наш взгляд, может быть свидетельством не только особой культуры в семье, но и стремления, наличия определенных установок к воспроизводству этой культуры в данной группе.

В связи с тем, что в статье 2007 г. достаточно подробно были разобраны материалы опросов 1994 и 2002 гг. я ограничился применением нашей модели на материалах опроса 2006 г. Исходя из поставленных в исследовании задач и возможности эмпирической проверки некоторых наших предположений, были сформулированы следующие рабочие гипотезы, которые должна тестировать модель:

Гипотеза первая: *В нынешней российской действительности шансы детей на получение качественного образования, будь то обучение в лицее/гимназии или высшем учебном заведении, в значительной степени связаны с культурным и образовательным статусом предшествующих поколений в семье, причем этот эффект “вытесняет” эффект материального положения.*

Таким образом, предполагается, что сохранение и трансляция образовательного потенциала от одних поколений к другим представляют собой особую стратегию социального воспроизводства семьи, связанную с поддержанием соответствующих моделей потребления любой ценой и порой идущую вразрез с ее материальными возможностями. При этом надо отдавать себе отчет, что в условиях повсеместной коммерциализации образования (как профессионального, так и начального) материальное положение превращается в один из значимых факторов, определяющих возможности расширенного воспроизводства человеческого капитала. Однако “массовость” высшего образования в России, то есть его относительная доступность, превращающая стремление обладать соответствующим дипломом в своеобразную социальную норму,

¹ Использовались материалы представительного опроса экономически активного населения России, осуществленного в ноябре–декабре 2006 г. под руководством Шкаратана. Теоретические и методологические основания этого обследования подробно рассмотрены в [Шкаратан, Ястребов, 2007].

может значительно усиливать мотивы тех семей, в которых наличие высшего образования прослеживается хотя бы в одном поколении.

Гипотеза вторая: *Характер текущего культурного потребления российских семей, то есть интенсивность инвестирования в их собственный культурный и человеческий капитал, зависит от характера межпоколенного воспроизводства образовательного статуса ее членов в большей степени, чем от уровня ее текущего материального положения.*

Эта гипотеза, в сущности, перекликается с первой. И все же она, как представляется, отражает другой немаловажный аспект воспроизводства человеческого капитала семьи, а именно – поддержание определенного уровня культурного потребления. Последнее, думается, – специфическая потребность высокообразованных людей, с удовлетворением которой достигается не только более разностороннее развитие личности, но и соответствие особой социальной и культурной среде (самоидентификация).

Для проверки обеих гипотез была построена следующая вероятностная модель, объясняющая выбор семьи в пользу определенной культурно-образовательной стратегии в зависимости от материального положения и межпоколенной преемственности в образовании:

$$P = f(INC_R, EDU_R, EDU_P), \quad (1)$$

где зависимая переменная P , согласно своей вероятностной природе, принимает два возможных значения – 0 или 1 – в соответствии с тем, какая стратегия фиксируется в выборе семьей.

Первая независимая переменная INC_R отражает материальное положение семьи и рассчитывается в чистом виде как фактический денежный доход на одного ее члена согласно данным, предоставленным самим респондентом². Разумеется, очевидно, что данный показатель не полностью адекватен в той мере, в какой для этих целей мог бы быть применен некий интегральный индикатор материального положения, включающий не только размер доходов семьи, но и реально располагаемую собственность, характер расходов, учет регионального фактора и проч. Однако сложность подобных индикаторов зачастую ставит под вопрос целесообразность их применения на практике и является, на самом деле, задачей иного уровня, чем та, которую показатель дохода играет в нашем случае. Замечу также, что я стремился избежать загромождения модели лишними факторами для того, чтобы, с одной стороны, обеспечить ее понятность, а с другой – обеспечить выполнение условия, которые накладывает на нее требование независимости факторов (отсутствия мультиколлинеарности).

Вторая независимая переменная EDU_R – дихотомическая и отражает наличие у респондента или его партнера, как минимум, законченного высшего образования. И наконец, последняя переменная EDU_P , также дихотомическая по своей природе, фиксирует наличие, как минимум, законченного высшего образования хотя бы у одного из родителей респондента. При наличии высшего образования у самого респондента данная переменная отражает факт преемственности в семье по линии образования.

Ниже представлен функциональный вид модели, то есть ее фактическая спецификация, на основе логистической регрессии:

$$P\{EDU_C = 1 | INC_R, EDU_R, EDU_P\} = \frac{e^Z}{1 + e^Z}, \quad (2)$$

где $Z = B_0 + B_1 INC_R + B_2 EDU_R + B_3 EDU_P$.

В зависимости от проверяемой гипотезы зависимая переменная в модели меняет свое содержание при неизменности состава независимых факторов. В конечном счете предполагается протестировать следующие четыре модели:

² Согласно исходным рекомендациям, при проведении опроса респонденты должны были сообщить интервьюеру суммарный денежный доход семьи, полученный за последний месяц из любых источников (зароботная плата, доход с собственности, алименты, стипендии, пенсии и проч.), приходящийся на каждого члена семьи.

Результаты оценивания первой модели (зависимая переменная EDU_C)*

Переменные	<i>B</i>	<i>S.E.</i>	<i>Wald</i>	<i>Sig.</i>	<i>Exp(B)</i>
<i>INC</i>	0,000081	0,000	29,091	0,000	1,000081
<i>EDU_R</i>	1,058000	0,136	60,653	0,000	2,880603
<i>EDU_p</i>	0,432391	0,167	6,673	0,010	1,540938
Константа	-1,498480	0,125	144,165	0,000	0,223470

* Здесь и далее: *B* – значение коэффициента *B*; *S.E.* – стандартное отклонение; *Wald* – статистика Вальда; *Sig.* – уровень значимости (ср-значение); *Exp(B)* – экспонента от *B*.

Показатели адекватности модели: *Cox & Snell's R²* = 0,130; *Nagelkerke's R²* = 0,176; *Hosmer & Lemeshow's χ²* = 11,080 (0,197).

Модель № 1. Зависимая переменная EDU_C принимает значение 1, если в наблюдении фиксируется один из следующих фактов: факт получения высшего образования старшим ребенком в семье респондента на момент опроса; факт наличия у старшего из детей респондента как минимум незаконченного высшего образования; факт обучения детей респондента в лицее/гимназии или школе с углубленным изучением отдельных предметов (специализированных школ). Эпитет “качественный”, применяемый в данном случае к типу образования, в определенной мере условен.

Модель № 2. Зависимая переменная CUL_{1P} принимает значение 1, если респондент или его партнер не менее одного раза в год посещают музеи, выставки, театры, концерты классической и джазовой музыки и т.д. Этой переменной блокируется тип культурного потребления, свойственный семье респондента.

Модель № 3. Зависимая переменная CUL_{2P} принимает значение 1, если количество книг в домашней библиотеке респондента превышает 200 наименований. Логично предположение, что культурная преемственность в семье в том числе предполагает передачу из поколения в поколение таких прямых атрибутов культурного статуса, как домашняя библиотека.

Модель № 4. Зависимая переменная REP принимает значение 1, репродуктивная деятельность респондента (наличие в его семье детей) сочетается с достаточно интенсивным воспитанием детей, включающим в себя прогулки, совместное чтение, обучение домашнему труду, языкам и т.д. Тестируя данную модель, возможно выяснить, как прямое участие семьи в воспроизводстве следующих поколений связано с ее реальными финансовыми возможностями и культурным опытом.

Таким образом, первая модель прежде всего служит проверке первой из обозначенных гипотез, тогда как остальные три модели по существу направлены на верификацию второй. Последовательно рассмотрим результаты оценивания каждой из моделей и попытаемся понять смысл, которым они наполнены.

В таблице 1 приведены результаты оценивания первой модели, связывающей качество образования детей с материальным положением семьи, текущим культурным статусом (уровень образования респондента и партнера) и культурным статусом предшествующего поколения. Оценка модели производилась на 1154 наблюдениях, что составило 46% общей выборки. Такое сокращение произошло вследствие отсеивания незаполненных переменных, что, с одной стороны, снижает репрезентативность полученных результатов, с другой – показатели адекватности модели свидетельствуют о довольно высоком качестве ее подгонки³.

Константу в модели можно интерпретировать как некую гарантированную вероятность, с которой ребенок имеет доступ к качественному образованию при отсутствии высшего образования у его родителей и ничтожности находящихся в распоря-

³ Особенно, если учесть, что для большинства социологических исследований приемлемым считается показатель в 12–13% объясняемой моделью вариации зависимого показателя.

жении семьи материальных ресурсов. В данном случае эта вероятность составляет примерно 18% ($= 0,223 \times (1 + 0,223)$). При этом наличие высшего образования у одного из родителей в малоимущей семье “повышает” шансы ребенка попасть в хорошую школу или оказаться в высшем учебном заведении как минимум до 39% ($= 0,223 \times 2,881 / (1 + 0,223 \times 2,881)$). Наличие высшего образования повышает эту вероятность до 50% ($= 0,223 \times 2,881 \times 1,541 / (1 + 0,223 \times 2,881 \times 1,541)$).

Однако эти цифры отражают лишь гипотетическую ситуацию, постольку-поскольку они соответствуют нулевому значению дохода в семье, что на уровне конкретных данных представить себе крайне сложно (хотя случается и такое). Фактически же при небольших значениях семейного дохода наличие высшего образования у одного из родителей, а также высшего образования у родителей самого респондента более чем в два раза увеличивает шансы ребенка на получение качественного образования. При этом согласно модели схожие шансы (~50%) выходцы из семей с низким культурным статусом – отсутствием лиц с высшим образованием хотя бы в одном из представленных поколений – имеют в том случае, если их уровень дохода составляет около 18 000–19 000 руб. (замечу, что в опросе 2006 г., по которому производился расчет, данному критерию соответствует не более 3,5% занятого населения).

В связи с вышесказанным можно утверждать, что “чистый” эффект дохода вытесняет “чистый” эффект образования лишь для незначительной части населения, что вполне согласуется с выдвинутой ранее гипотезой, согласно которой обучение в лицее/гимназии или высшем учебном заведении, а также наличие высшего образования у детей в огромной степени связаны с культурным и образовательным статусом предшествующих поколений в семье (см. гипотезу 1).

Тем не менее хотелось бы продвинуться в своих рассуждениях несколько дальше. Доход семьи, как и образование родителей, положительно связан с шансами ребенка на получение качественного образования. Однако его вклад не постоянен, зависит в том числе и от культурного статуса самой семьи. Так, согласно теории человеческого капитала, можно предположить, что в семье, не обладающей высокими культурными ресурсами, склонность к инвестированию в качественное образование детей будет в меньшей степени обусловлено показателями дохода, чем в семьях с более высоким культурным уровнем. Другими словами, те, кому довелось “вкусить плоды” качественного образования, лучше осознают его ценность и с большей готовностью инвестируют накопленные ими средства в человеческий капитал детей.

Нельзя не осознавать, что нелинейность связи уровня дохода и зависимой переменной в модели вызвана не приведенными выше соображениями, а функциональным видом модели. Однако учитывая, что параметры данной модели оценены на фактических данных при относительно неплохой объясняемости вариации зависимого признака, вполне можно заключить, что данная закономерность имеет место. В строгих математических терминах это означало бы, что “предельный эффект” дохода на вероятность получения детьми качественного образования в семьях с высоким культурным уровнем и невысоким уровнем материального достатка больше “предельного эффекта” того же фактора в семьях, где не наблюдается преемственности высшего образования. Помимо модели это подтверждает простейший анализ соответствующих распределений (см. табл. 2).

В таблице 3 приведены результаты оценивания параметров модели № 2 (1617 наблюдений; 64,9% всей выборки). Несложно убедиться, что они не сильно отличаются от результатов оценивания предыдущей модели. Характер культурного потребления семей практически в такой же степени, что и склонность к обеспечению качественного образования для детей, определяется образовательным статусом родителей и в еще большей степени наличием преемственности этого статуса между поколениями.

Согласно параметрам модели, как минимум, в 68% случаев в семьях, где есть такая преемственность, потребление услуг в сфере культуры (посещение театров, музеев, концертов классической и джазовой музыки и т.п.) осуществляется с интенсивностью

Таблица 2

“Предельные эффекты” влияния дохода на вероятность получения детьми качественного образования для семей с различным культурным и материальным статусом

Культурный статус семьи	Доля наблюдений с $EDU_C = 1$ в семьях с доходом ($P(EDU_C = 1)$)		“Предельный эффект” дохода ($dP(EDU_C = 1)/dINC$)
	до 6800 руб. в мес. на члена семьи	до 12 800 руб. в мес. на члена семьи	
Респондент и/или супруга, а также один из родителей респондента имеют высшее образование	0,56	0,63	7%
Ни в одном из поколений нет родственников с высшим образованием	0,20	0,24	4%

Таблица 3

Результаты оценивания модели № 2 (зависимая переменная CUL_{1P})

Переменные	<i>B</i>	<i>S.E.</i>	<i>Wald</i>	<i>Sig.</i>	<i>Exp(B)</i>
<i>INC</i>	0,000086	0,000	39,614	0,000	1,000086
<i>EDU_R</i>	1,406771	0,118	143,336	0,000	4,082751
<i>EDU_P</i>	0,725519	0,141	26,310	0,000	2,065803
Константа	-1,381604	0,109	159,551	0,000	0,251175

Показатели адекватности модели: *Cox & Snell's* $R^2 = 0,205$; *Nagelkerke's* $R^2 = 0,274$; *Hosmer & Lemeshow's* $\chi^2 = 10,118$ (0,257).

не менее одного раза в год. Таким образом, эффект культурной преемственности в данном случае еще более выражен, чем в предыдущем. И это не случайно, поскольку в нынешних условиях поддержание определенного уровня потребления в культурной сфере зачастую сопряжено с меньшими издержками, чем инвестиции в качественное образование детей. В то же время характер такого потребления в семье, равно как и установки на продуктивное поведение по отношению к следующему поколению, задается культурным статусом предшествующих поколений.

В таблице 4 представлены параметры уточненной модели № 3 (1563 наблюдений; 62,7% всей выборки), где оценивались факторы, влияющие на размер домашней библиотеки респондента. Так, при расчете параметров модели в ее исходной спецификации оказалось, что параметр дохода незначимо связан с размером домашней библиотеки респондента. Однако это вполне объяснимо, если учесть, что библиотека, как правило, – наследуемый атрибут семьи, и может быть реально не связана с текущим материальным положением вследствие ничтожности затрат на ее пополнение относительно бюджетов большинства семей. Например, логичнее было бы ожидать, что размер библиотеки в большей степени связан с культурным статусом предшествующих поколений, от которых книги передаются по наследству. Чем выше этот статус, тем не только вероятнее сам факт наследства, но и больший его размер. В модели это отражено, во-первых, наличием довольно низкой константы в модели (соответствующей 9,2% – хорошая библиотека есть не у всех) и размером коэффициента при соответствующем факторе EDU_P (2,117): из четырех оцениваемых моделей он является наивысшим именно в этой. И все же не будем абсолютизировать данный результат, ограничившись тем, что он вполне согласуется с гипотезой, которую тестирует данная модель.

Наконец, следует обратить внимание на результаты, которые представляет модель № 4, тестирующая связь между прямым участием семьи в воспитании следующего поколения, с одной стороны, и материальным и культурным статусом, с другой

Таблица 4

Результаты оценивания модели № 3 (зависимая переменная CUL_{2p})

Переменные	<i>B</i>	<i>S.E.</i>	<i>Wald</i>	<i>Sig.</i>	<i>Exp(B)</i>
EDU_R	1,553719	0,143	118,710	0,000	4,729024
EDU_p	0,750039	0,131	32,841	0,000	2,117082
Константа	-2,288372	0,119	367,054	0,000	0,101431

Показатели адекватности модели: *Cox & Snell's* $R^2 = 0,135$; *Nagelkerke's* $R^2 = 0,199$; *Hosmer & Lemeshow's* $\chi^2 = 4,219$ (0,121).

Таблица 5

Результаты оценивания модели № 4 (зависимая переменная REP)

Переменные	<i>B</i>	<i>S.E.</i>	<i>Wald</i>	<i>Sig.</i>	<i>Exp(B)</i>
<i>INC</i>	-0,000066	0,000	27,712	0,000	0,999934
EDU_R	0,073393	0,116	0,400	0,527	1,076153
EDU_p	0,274494	0,130	4,443	0,035	1,315864
Константа	-0,263468	0,096	7,454	0,006	0,768382

Показатели адекватности модели: *Cox & Snell's* $R^2 = 0,022$; *Nagelkerke's* $R^2 = 0,030$; *Hosmer & Lemeshow's* $\chi^2 = 9,615$ (0,293).

(см. табл. 5). Несмотря на присутствие определенной логики в ее результатах, данная модель оказалась крайне неустойчивой. Она хуже остальных объясняет вариацию зависимого признака. Кроме того, незначимым в модели оказался коэффициент при переменной, фиксирующей уровень образования респондента и/или его партнера. Согласно же величине константы, минимальная вероятность, с которой от представленных семей можно было бы ожидать осуществления воспитательной функции, равняется приблизительно 43% (выше, чем в других моделях). Напомню, что в эту вероятность закладывается влияние других факторов, не учтенных моделью, то есть на долю рассматриваемых факторов – дохода и образовательного статуса двух поколений – приходится только 57%.

Неустойчивость модели связывается со специфической формулировкой самого вопроса, предполагающего наличие у респондента ребенка в том возрасте, в котором к нему применимы воспитательские функции. Кроме того, эта переменная подвержена высокому влиянию гендерного фактора, но поскольку гендерные различия не лежат в поле исследуемой проблемы, можно не останавливаться на этом специально. Любопытно тем не менее, что высокий образовательный статус одного из родителей респондента положительно влияет на участие его семьи в активном воспитании детей. Несмотря на слабую объясняющую силу последней модели, в целом можно заключить, что сформулированные нами гипотезы находят определенное эмпирическое подтверждение в материалах представительного опроса 2006 г.

* * *

Проведенный анализ, разумеется, не может претендовать на строгую доказательность. Эмпирические закономерности, которые удалось раскрыть с помощью предложенных моделей, могут и должны изучаться на менее абстрактных уровнях. В частности, целесообразным представляется проведение качественного исследования, позволяющего раскрыть механизмы культурного и социального воспроизводства российских семей. Другое, не менее важное направление – уточнение аналитической модели, объясняющей выбор семей тех или иных культурно-образовательных стра-

тегий не только с учетом теоретически обоснованных зависимостей, но и реально наблюдаемых эффектов.

Полученный на основе построения и оценки соответствующих вероятностных моделей статистически значимый результат свидетельствует, что в современной России эффект культурной преемственности в семьях оказывает значительное влияние на характер их поведения и реальное потребление в сфере культуры и образования. При этом эффект материального положения, измерявшийся показателем фактического дохода на члена семьи (в силу ограничений, накладываемых регрессионной моделью), являлся либо вовсе незначимым, либо начинал оказывать существенное влияние только тогда, когда его размер превышал тот уровень, которому удовлетворяет незначительная часть представленных в опросе респондентов. Кроме того, на основании детального изучения результатов оцененной модели был также сделан вывод об экономической целесообразности материальной поддержки семей, обладающих значительными социокультурными ресурсами.

Вышесказанное позволяет сформулировать некоторые ориентиры для государственной социальной политики в контексте официального курса на инновационное социально ориентированное развитие. Оптимальной моделью такой политики с точки зрения сложившейся в России социально-экономической ситуации является создание рабочих мест, предъявляющих спрос на высококвалифицированный труд, в сочетании с качественными улучшениями в системе профессионального образования и повышением его доступности, особенно для семей, обладающих высокими культурными ресурсами и продуктивным поведением по отношению к подрастающему поколению, но не имеют достаточной экономической базы. Это позволит снять излишнюю нагрузку с системы высшего образования, с одной стороны, и повысить эффективность ее функционирования в целом – с другой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. Российская семья: преемственность поколений // *Общественные науки и современность*. 2010. № 1.

Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. Социально-профессиональная структура населения России. Теоретические предпосылки, методы и некоторые результаты повторных опросов 1994, 2002, 2006 гг. // *Мир России*. 2007. № 3.

© Г. Ястребов, 2010